

УДК 81
ББК 81я433
Э91

Д.А. Кожанов

ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭЛЕМЕНТОВ НАУЧНОГО ДИСКУРСА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются особенности функционирования элементов научного дискурса в семиотическом и синтаксическом пространстве художественного текста. В качестве элементов научного дискурса рассматриваются такие языковые знаки, как научные термины, прецедентные имена науки и аббревиатуры. В центре внимания находится процесс интерпретации читателем закодированных автором смыслов, который обусловлен как контекстом употребления элементов научного дискурса, так и ментальными структурами, стоящими за знаками языка науки. Экспрессивный потенциал элементов научного дискурса рассматривается как способность к параллельной реализации стилистической, репрезентативной и прогностической функций знаков языка науки. Делается вывод о значительной роли элементов научного дискурса в процесс конструирования читателем картины мира художественного произведения на основе собственного фонда общих и специальных научных знаний. Дается обоснование необходимости комплексного применения методов концептуального анализа и дискурса-анализа при исследовании феномена интердискурсивных включений в пространстве художественного текста.

Ключевые слова: научный дискурс, художественный текст, научный термин, интердискурсивность, экспрессивная функция, интерпретация.

Характерной чертой, выделяющей художественный текст из множества текстов всех прочих жанров, является неоднородность как его семиотического, так и концептуального пространства. Свидетельством такой неоднородности является высокая плотность элементов иных дискурсов, интегрированных в пространство художественного текста. Следует отметить, что характер коммуникативных практик в большинстве социально значимых сфер таков, что следы иных дискурсов можно обнаружить практически в любом сообщении [11. С. 24]. Как следствие, все большее число исследователей обращаются к феномену полидискурсивности [1], который зачастую определяется как «интерференция дискурсов» [13].

Однако, именно в художественном тексте имеет место не просто использование некоторых инодискурсивных вкраплений, а полноценное взаимодействие дискурсов, в результате которого формируется новое дискурсивное пространство. В ряде исследований для обозначения дискурсивного пространства, формирующегося на периферии различных дискурсов, используется термин «смешанный дискурс», введенный французским философом Полем Рикером для характеристики фрейдовского дискурса, в контексте конфликта сознательного и бессознательного, речь которого рассматривается как дискурс Другого [9. С. 250]. В работах современных авторов данный термин отражает распространенные в исследовательских кругах представления о коммуникативном пространстве, в котором сосуществуют элементы различных дискурсов.

Характер инодискурсивных включений определяется жанрово-стилевой принадлежностью художественного текста. Так, для произведений в жанре научной-фантастики характерна высокая плотность элементов научного дискурса, в первую очередь, научных терминов. Интерес представителей различных лингвистических школ и направлений [3; 4; 10] к проблеме функционирования элементов научного дискурса в текстах жанра научной фантастики обусловлен сложным характером отношений в диаде научный дискурс – художественный дискурс.

С одной стороны, использование в тексте художественного произведения элементов научного дискурса, к которым относятся термины, околотерминологическая лексика, прецедентные имена науки, знаки искусственных языков (математические, физические, химические и т.п. формулы), синтаксические конструкции и т.п., позволяет автору создать убедительную и непротиворечивую картину описываемого в художественном произведении мира. Интерпретируя авторские смыслы, читатель обращается как к собственному массиву общих и специальных научных знаний, так и фонду коллективного знания (специальная литература, глобальная сеть и т.д.). При этом, точность и глубина интерпретации зашифрованных автором смыслов обусловлена как собственно объемом знаний, имею-

щихся в распоряжении читателя, так и целым рядом прагматических факторов. Как следствие, процессы декодирования читателем семантики единиц научного дискурса в тексте художественного произведения требуют особой методики анализа, сочетающей элементы концептуального анализа и дискурс анализа.

С другой стороны, идеи, гипотеза и догадки, представленные авторами научно-фантастических произведений, зачастую оказывают заметное влияние на развитие научной мысли, т.е. имеет место и обратное воздействие художественного дискурса на научный дискурс. Представляется важным отметить, что речь идет не только о так называемых прогностических терминах (клон, силовое поле, генная инженерия и т.п.), использованных авторами художественных произведений и вошедших позднее в терминологический фонд, но и о представленных в художественных произведениях авторских концепциях, во многом определивших облик как современной науки, так и общества в целом.

Примером такого воздействия художественного дискурса на научный дискурс является понятие виртуального пространства, сконструированное американским писателем Уильямом Гибсоном (William Gibson) в середине восьмидесятых годов XX в. в цикле романов (Sprawl Trilogy), посвященных миру будущего, в котором научный прогресс, в первую очередь в области компьютерных технологий, достигает невероятного уровня. Новые технологии меняют все без исключения социальные сферы, включая повседневную коммуникативную практику, для которой характерна высокая плотность единиц научного дискурса.

Оказываясь в пространстве художественного дискурса, т.е. вне дискурса научного, единицы языка науки начинают функционировать по иным законам, приобретая целый ряд несвойственных им ранее функций. В целом, дискуссия относительно функционально-стилистического потенциала единиц языка науки на является новой для теоретической лингвистики. В конце XX в. достаточно широко была распространена точка зрения об абсолютной стилистической нейтральности знаков языка науки [8; 12]. Альтернативная позиция предполагает наличие функционально-стилистического потенциала у терминологической лексики, имеющего ограниченный характер и реализующегося только в определенных контекстах. Например, В.М. Лейчик отмечает, что экспрессивная функция характерна «только для политических терминов и проявляется при их использовании в идейной борьбе, политической дискуссии и т.п.» [6. С. 69], т.е. вне поля научного дискурса, как например, в тексте художественного произведения.

Д.А. Разоренов выделяет два вектора взаимодействия термина и контекста художественного произведения, обозначая их как центробежный и центростремительный, тем самым характеризуя двусторонний характер взаимодействия научного дискурса, или дискурса-донора, и художественного дискурса, выступающего в данном случае в качестве дискурса-реципиента. С одной стороны, имеет место иррадиация термина на контекст, сопровождающаяся выдвиганием его функционально-стилистической окраски. С другой стороны, терминологическая лексика подвергается значительным изменениям в плане содержания, приобретая дополнительные коннотативные компоненты значения, выходящие за рамки изначального терминологического значения [7. С. 5].

В анализируемом нами художественном произведении терминологическая лексика функционирует в большей части контекстов в качестве эпитетов, в сочетании с эпитетами и в составе различных тропов (метафора, олицетворение и т.д.). Так, в примере 1 имеет место метафорическое использование термина *Mercator projection* для описания внешности персонажа, чье изображение главный герой наблюдает на мониторе.

(1) *Something only vaguely like a human face filled the screens, its features stretched across asymmetrical expanses of bone like some obscene **Mercator projection**. Blue lips parted wetly as the twisted, elongated jaw moved. Something, perhaps a hand, a thing like a reddish clump of gnarled roots, fumbled toward the camera, blurred, and vanished [14].*

Процесс расшифровки читателем авторских смыслов, закодированных в данном текстовом фрагменте, может быть представлен как приращение первоначального терминологического значения, зафиксированного в специальной литературе как «математически определенный способ отображения поверхности Земли на плоскости при котором меридианы представляют собой параллельные равноудаленные линии, тогда как расстояние между параллелями увеличивается при приближении к полюсам» [5. С. 495] и формирующего ядро соответствующего научного понятия. Общее направление интерпретации задается, с одной стороны, стилистически маркированными лексическими единицами с оценочным компонентом в семантике (*obscene, a thing like a reddish clump of gnarled roots, the twisted*

jaw), а с другой, языковыми средствами, вербализующими идею искаженности описываемого автором изображения, его несоответствия оригиналу (*only vaguely like a human face, asymmetrical expanses of bone, the elongated jaw*).

Как следствие, в сознании читателя происходит переструктурирование научного понятия, стоящего за термином *Mercator projection*, в результате которого на первый план выдвигаются периферийные содержательные компоненты, связанные с историческим контекстом формирования данного научного понятия. Речь идет о тех особенностях проекции Меркатора, которые обусловлены ее ориентацией на нужды средневековой навигации, для которой было характерно движение корабля с неизменным положением компаса относительно шкалы координат. Проекция Меркатора позволяла отобразить курс судна на карте прямой линией, что существенно упрощало практику навигации, однако разница в масштабах на отдельных участках карты делала невозможным отображение на карте некоторых зон (карты в данной проекции ограничивались 80 градусом северной и южной широты) и приводила к существенным искажениям площади объектов в районе полюсов (остров Гренландия на картах Меркатора не уступает размерами Южной Америке, хотя в реальности его площадь в восемь раз меньше).

Таким образом, в сознании читателя, являющегося носителем специальных научных знаний, актуализируются такие содержательные признаки научного понятия, как «неполнота / фрагментарность» и «искажение реального размера / формы», что в полной мере способствует реализации авторского замысла относительно передачи художественного образа. Полнота реализации экспрессивного потенциала знаков языка науки в художественном тексте напрямую связана с объемом содержания научного понятия в сознании читателя. Чем больше содержательных признаков научного понятия актуализируется в процессе интерпретации художественного текста, тем сильнее стилистический эффект, произведенный на читателя. Иными словами, возможность реализации экспрессивной функции элемента научного дискурса в художественном тексте определяется успешностью реализации его репрезентативной функции, т.е. его способностью выступать в роли репрезентанта научного понятия.

Представляется важным отметить, что термин «репрезентативная функция» в отношении знаков языка науки используется в лингвистических исследованиях относительно недавно. Его востребованность объясняется изменениями акцентов в терминологических исследованиях, авторы которых все чаще говорят не о назывании предметов терминологическими единицами, а о репрезентации научных понятий специальными средствами языка [6. С. 64]. Имеет место практика параллельного использования терминов «репрезентативная функция» и «номинативная функция» в отношении одного и того же феномена, рассматриваемого с разных позиций.

На наш взгляд, преимущество термина «репрезентативная функция» заключается в том, что именно он отражает сущность феномена взаимодействия различных дискурсов. Знаки языка науки, представляющие собой инодискурсивные элементы в художественном тексте, выступают репрезентантами феноменов, внешних по отношению к пространству художественного дискурса, к которым относятся научные понятия, прецедентные феномены науки, знаки искусственных языков, синтаксические конструкции и коммуникативные стратегии, характерные для сферы научной коммуникации и т. п. Являясь средством фиксации специального знания, обеспечивающего познавательную деятельность человека, термин, оказываясь в пространстве художественного дискурса, предстает как «сгусток» информации, представленной в предельно сжатом виде, «ожидающей» интерпретации со стороны читателя.

Наиболее ярко репрезентативная функция проявляется в случае с прецедентными именами науки, к которым относятся, в первую очередь, имена ученых, сделавших заметный вклад в развитие научной мысли. В отличие от терминов, данные знаки языка науки не имеют четко сформулированного терминологического значения, зафиксированного в специальной литературе. Их сигнификативное значение является размытым и в значительной степени индивидуальным, т.к. в сознании читателя актуализируется не только научное понятие, как в случае с терминологической лексикой, но и целый набор образов, ассоциаций и представлений, связанных с прецедентным именем науки. Так, в примерах 2-4 в качестве элемента научного дискурса выступает прецедентное имя *Turing*, принадлежащее английскому математику, логике и криптографу Алану Тьюрингу, стоящему у истоков и информатики и теории искусственного интеллекта.

(2) «*This isn't looking so hot, is it? I mean, the Turings are on it. I was thinking maybe we should try to bail out. I can take you*» [14].

(3) *Case said, and drew on his cigarette. He blew the smoke up at the **Turing** Registry agent. «Do you guys have any real jurisdiction out here? I mean, shouldn't you have the Freeside security team in on this party?» [14].*

(4) *They were waiting there, the three of them, their perfect white sports clothes and stenciled tans setting off the handwoven organic chic of the furniture. The girl sat on a wicker sofa, an automatic pistol beside her on the leaf-patterned print of the cushion. «**Turing**,» she said. «You are under arrest» [14].*

С именем данного ученого в сознании читателя связан целый ряд образов, зависящий от общего фонда научных знаний интерпретатора: премия Тьюринга (самая престижная награда в области информатики), машина Тьюринга (первая в мире модель компьютера общего назначения), тест Тьюринга (оценка искусственного интеллекта компьютера), работа на правительство Великобритании (взлом немецкого шифратора Enigma, считавшегося самым надежным в мире) и т.п., что открывает простор для интерпретативной деятельности читателя.

Направляющим вектором интерпретации является контекст, позволяющий выбрать из множества равновероятных интерпретаций то единственную, которая обеспечивает декодирование зашифрованного автором смысла. Определенный артикль, форма множественного числа и словосочетание *Registry agent* в ближайшем окружении прецедентного имени позволяют сделать вывод о том, что в описываемом авторе мире именем английского ученого названа некая правительственная организация, а использование лексики юридической тематики (*to bail out, any real jurisdiction, under arrest*) указывает на род ее деятельности. Читатель приходит к выводу, что речь идет о правительственном агентстве, занимающимся преступлениями в области информационных технологий.

Данная информация составляет ядро ментальной структуры, стоящей за именем *Turing*, а дальнейшее реконструирование авторского концепта может быть представлено как последовательное восстановление его периферийных слоев. Каждый случай употребления прецедентного имени *Turing* является своеобразным сигналом, актуализирующим в сознании читателя тот фрагмент научной картины мира, к которому отсылают языковые единицы, находящиеся в ближайшем окружении данного имени. Так, в примере 5 аббревиатура AI (*artificial intelligence*) позволяет выбрать из набора упоминавшихся выше ассоциаций, связанных с именем Алана Тьюринга, комплекс представлений о тесте Тьюринга, оценивающий креативный потенциал искусственного интеллекта.

(5) *Anyway, I jacked out and told my computer to look it up.» «Yeah?» «It was on the **Turing** Registry. AI. Frog company owned its Rio mainframe» [14].*

Тест считается успешно пройденным если участник эксперимента в ходе общения с неизвестным ему собеседником делал вывод что общается с реальным человеком, тогда как его партнером выступал искусственный интеллект. В результате происходит формирование в сознании читателя околоядерной зоны художественного концепта, принадлежащего авторской картине мира, который аккумулирует сведения о полиции будущего, одной из задач которой является контроль над деятельностью систем искусственного интеллекта.

Общие знания о сущности теста Тьюринга позволяют интерпретатору сделать предположение, что в сфере интересов полиции будущего находятся системы искусственного интеллекта прошедшие этот тест, т.е. превосходящие интеллект человека, а следовательно, являющиеся потенциально опасными. Данное предположение подтверждается дальнейшим развитием сюжета (пример 6), когда функции полиции Тьюринга раскрываются автором (***Turing**'ll wipe it; Every AI ever built has an electromagnetic shotgun wired to its forehead*).

(6) *«Autonomy, that's the bugaboo, where your AI's are concerned. They can work real hard, buy themselves time to write cookbooks or whatever, but the minute, I mean the nanosecond, that one starts figuring out ways to make itself smarter, **Turing**'ll wipe it. Nobody trusts them, you know that. Every AI ever built has an electromagnetic shotgun wired to its forehead» [14].*

К этому моменту читатель уже достаточно подготовлен к подобным деталям, которые органично вписываются в картину мира художественного произведения. Концепт, стоящий за прецедентным именем *Turing*, формирующийся в сознании читателя на основании его собственных научных знаний и контекста художественного произведения, отсутствует в привычной читателю картине мира, однако является составляющим компонентом картины мира будущего. Как следствие, имеет место реализация еще одной функции элементов научного дискурса в художественном тексте, которую обозначают как прогностическую, или эвристическую [2]. Данная функция представляет особый интерес для исследователей, т.к. она соотносится с таким малоизученным когнитивным феноменом, как опе-

режающее мышление. В настоящее время, перспективы изучения данной функции связываются, помимо всего прочего, с использованием элементов научного дискурса за пределами дискурсивного пространства науки, в первую очередь, в текстах художественных произведений.

Представляется важным отметить, что зачастую в качестве элемента научного дискурса выступают аббревиатуры, наличие которых в семиотическом пространстве художественного текста придает процессу интерпретации новое измерение. Так, в примерах 7 и 8 автор использует аббревиатуру SAS, которая используется в самых разных социальных сферах и может быть интерпретирована читателем различными способами (Special Air Service, Single Attachment Station, Small Angle Scattering, Simpson-Angus Scale, Self Assessment System и др.).

(7) *He wasn't sure why, but something about them brought back the nausea of SAS* [14].

(8) *He'd taken the drug to blunt SAS, but the stimulants the manufacturer included to counter the scopolamine had no effect on his doctored system* [14].

Невозможность обращения к той или иной специальной терминологической системе закономерно приводит к тому, что направление интерпретирующей деятельности читателя задается ближайшим окружением данного элемента научного дискурса. Анализ семантики таких выражений как *brought back the nausea of SAS* и *the drug to blunt SAS* позволяет сделать вывод, что речь идет о некотором психофизиологическом состоянии, которое сопровождается симптомами тошноты и может быть снято медикаментозным путем. Результатом подобной интерпретирующей деятельности читателя является, с одной стороны, сокращение числа потенциально возможных вариантов прочтения данной аббревиатуры, а с другой стороны, подготовка к восприятию последующих контекстов употребления аббревиатуры SAS, в которых автор «выдает» следующую порцию информации об описываемом феномене (пример 9).

(9) *«Never travel much, just for biz.» The steward was attaching readout electrodes to his wrist and left ear. «Hope you don't get SAS,» she said. «Airsick? No way.» «It's not the same. Your heartbeat'll speed up in zero-g, and your inner ear'll go nuts for a while. Kicks in your flight reflex, like you'll be getting signals to run like hell, and a lot of adrenaline»* [14].

Первоначальные предположения читателя подтверждаются высокой плотностью терминов и тематической лексики, относящейся к области медицинских наук (*heartbeat, inner ear, a lot of adrenaline*), используемых в данном текстовом фрагменте, а употребление автором термина *zero-g* (нулевая гравитация) позволяет получить определенные представления о ментальной структуре, стоящей за данной аббревиатурой, связав данный синдром с феноменом невесомости, космическими полетами и проблемами адаптации человека в условиях отсутствия гравитации. С точки зрения понимания заложенных в произведении смыслов уже нет необходимости в точной расшифровке данной аббревиатуры, однако зачастую аббревиатуры декодируются самим автором в форме ссылок, сносок, комментариев или напрямую в тексте художественного произведения (пример 10).

(10) *Space adaptation syndrome was worse than Molly's description, but it passed quickly enough and he was able to sleep. The steward woke him as they were preparing to dock at the terminal cluster* [14].

Все вышесказанное позволяет прийти к выводу, что элементы научного дискурса, реализуясь на семиотическом уровне художественного дискурса как инородные включения, проецируются на когнитивный и прагматический уровни художественного дискурса, выполняя при этом целый комплекс функций. Таким образом, анализ составного дискурса требует комплексного применения концептуального анализа и дискурс-анализа, относящихся к когнитивному и социальному аспектам дискурса соответственно. С одной стороны, дискурс – это социальный феномен, т.к. процессы его порождения и понимания завязаны на социальные роли субъектов дискурса, а с другой стороны, дискурс представляет собой обмен информацией между субъектами дискурса, базирующийся на таких феноменах, как память, категоризация, интуиция и т.д. Как следствие, элементы дискурса, которые собственно и являются объектом анализа, выполняют различные функции относящиеся как к сфере когниции, так и к сфере коммуникации, что является свидетельством несомненной актуальности подобных исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоглазова Е.В. Полидискурсивность как особый исследовательский фокус URL: http://elibrary.unecon.ru/materials_files/izv/09_3_c66_71_s.pdf
2. Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука, 1988.

3. Елизарова Л.Н. Терминологические и художественные новообразования в функциональном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Орел, 1992.
4. Иняшкин С.Г. Лингводискурсивные особенности американской научной фантастики середины XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2013.
5. Картографические проекции // Военная энциклопедия / П.С. Грачев. М.: Военное издательство, 1995. Т. 3. С. 495-496.
6. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
7. Разоренов Д.А. Термин в современном художественном произведении (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2006.
8. Реформатский А.А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. М.: Наука, 1986. С. 163-198.
9. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический Проект, 2008.
10. Рыльщикова Л.М. Лингвосомиотическая креативность научно-фантастического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Майкоп, 2016.
11. Силантьев И.В. Газета и роман. Риторика дискурсных смещений. М.: Языки славянской культуры, 2006.
12. Цоллер В.Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика // Филологические науки. 1996. № 6. С. 62-71.
13. Шевченко В.Д. Интерференция дискурсов в англоязычной публицистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2011.
14. Gibson W. Neuromancer. New-York: Penguin Putnam Inc., 2003.

Поступила в редакцию 29.08.2018

Кожанов Дмитрий Алексеевич, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры английской филологии
Лингвистический институт, Алтайский государственный педагогический университет
656031 Россия, г. Барнаул, ул. Крупской, 108
E-mail: dsf46k@yandex.ru

D.A. Kozhanov

EXPRESSIVE POTENTIAL OF THE ELEMENTS OF SCIENTIFIC DISCOURSE IN A LITERARY TEXT

The article considers the peculiarities of the functioning of scientific discourse elements in the semiotic and semantic space of a literary text. The corpus of the elements of scientific discourse includes such language signs as scientific terms, precedent names of science and abbreviations. In the focus of attention there is a process of readers' interpretation of the contents coded by the author that is determined by the context of the use of scientific discourse elements as well as the mental structures verbalized by the signs of language of science. Expressive potential of the elements of scientific discourse is viewed as their ability to realize their stylistic, representative and prognostic functions simultaneously. The conclusion is made about the significant role of the elements of scientific discourse in the process of readers' reconstruction of the world picture of the author's work of fiction on the basis of their own background of general and special scientific knowledge. The author reveals the necessity of complex application of the methods of conceptual analysis and discourse analysis in the research projects focusing on the phenomenon of interdiscursive inclusions in the space of a literary text.

Keywords: scientific discourse, literary text, scientific term, interdiscursivity, expressive function, interpretation.

REFERENCES

1. Beloglazova E.V. Polidiskursnost kak osobyj issledovatel'skij fokus [Polydiscursivity as a special research focus] URL: http://elibrary.unecon.ru/materials_files/izv/09_3_c66_71_s.pdf
2. Vernadskij V.I. Trudy po vseobshchej istorii nauki [Papers on the general history of science]. M.: Nauka [Science], 1988.
3. Elizarova L.N. Terminologicheskie i hudozhestvennye novoobrazovaniya v funkcional'nom aspekte [Terminological and fictional neologisms in the functional aspect]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [published summary of a thesis of candidate of philological sciences]: 10.02.01. Orel, 1992.
4. Inyashkin S.G. Lingvodiskursivnye osobennosti amerikanskoj nauchnoj fantastiki serediny XX v. [Lingvodiscursive peculiarities of American science fiction in the middle of the XX century] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [published summary of a thesis of candidate of philological sciences]: 10.02.04. M., 2013.
5. Kartograficheskie proekcii [Cartographical projections] // Voennaya ehnciklopediya [Military encyclopedia] / P.S. Grachev. M.: Voennoe izdatelstvo [Military publishing house], 1995. T. 3. S. 495-496.

6. Lejchik V.M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura [Terminology studies: the subject, methods, structure]. M.: Izdatelstvo LKI [Publishing house LKI], 2007.
7. Razorenov D.A. Termin v sovremennom hudozhestvenno proizvedenii (na materiale anglijskogo yazyka) [Scientific term in the modern fiction (on the basis of the material of English language): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [published summary of a thesis of candidate of philological sciences]: 10.02.04. M.: 2006.
8. Reformatskij A.A. Mysli o terminologii [Thoughts about terminology] // Sovremennye problemy russkoj terminologii [Contemporary problems of Russian terminology]. M: Nauka [Science], 1986. S. 163-198.
9. Riker P. Konflikt interpretacij. Oчерki o germenевtike [Conflict of interpretations. Essays about hermeneutics]. M.: Akademicheskij Proekt [Academic project], 2008.
10. Rylshchikova L.M. Lingvosemioticheskaya kreativnost nauchno-fantasticheskogo diskursa [Lingvosemiotic creativity of science fiction discourse]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [published summary of a thesis of candidate of philological sciences]: 10.02.19. Majkop, 2016.
11. Silantev I.V. Gazeta i roman. Ritorika diskursnyh smeshenij [A newspaper and a novel. Rhetoric of discursive intermixture]. M.: Yazyki slavyanskoj kultury [Languages of Slavonic cultures], 2006.
12. Tsoller V.N. Ekspressivnaya leksika: semantika i pragmatika [Expressive vocabulary: semantics and pragmatics] // Filologicheskie nauki [Philological sciences]. 1996. № 6. S. 62-71.
13. Shevchenko V.D. Interferenciya diskursov v angloyazychnoj publicistike [Interfering of discourses in English speaking publicist writing]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [published summary of a thesis of candidate of philological sciences]: 10.02.04. SPb.: 2011.
14. Gibson W. Neuromancer. New-York: Penguin Putnam Inc., 2003.

Received 29.08.2018

Kozhanov D.A., Candidate of Philology, Associate Professor at Department of English philology
Linguistic institute, Altai State Pedagogical University
Krupskoy st., 108, Barnaul, Russia, 656031
E-mail: dsf46k@yandex.ru